

Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло?—Измаиль,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ.
Своимъ прїѣздомъ—и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ.
Ей все плѣнительно, что ново.
„Простынетъ!“ мыслить Рослабѣкъ.
Но если злобный человекъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Советѣмъ забыть ее никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ, и ночью духъ тревожить.

XII.

Война!.. знакомый людямъ звукъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движеніе стана—
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
„Смотри, какъ всякій битися радъ
За дѣло чести и свободы!..
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ вель Ахметъ-Булатъ!..
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Нора! кипятъ они досадою,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлыя летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, путаютъ взоръ;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами

Тревожить сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Лѣстеновъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долину той:
Изъ камней и деревь громада
Аргуну давить подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути инова;
И мыслятъ горцы: «врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова!»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
И блескъ орудіи громовыхъ
Далеко сквозя туманъ играетъ.
—И Рослабѣкъ свѣтъ ссызаетъ;
Онъ говоритъ: «въ тини ночной
Мы нападѣмъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной..
Погибнуть молча наши гости,
И ихъ разбросанныя кости,
Добыча врановъ и волковъ,
Сгніють, лишенные гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ мѣстїю кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

XV.

Согласны все на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаиль.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ.
Онъ узденей, сидѣвшихъ радомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу
И даже болѣе, чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную мѣсть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!..
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ выпелъ—все еще молчали

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;